

*Моей большой, прекрасной, любимой семье,
и, в частности, замечательным тетушкам
Октябрине Ильиничне и Марии Ильиничне,
посвящается.*

Зинаида в полной мере прочувствовала точность определения «кромешная тьма»: да потому она и «кромешная», что кроме тьмы этой жуткой нет ничего – вообще ничего!! Первозданная, изначальная темень, с которой все началось – взрыв новой звезды, галактики, атомы – жизнь, которой все и закончится – наступит небытие!

И такой это, оказывается, «кромешный» ужас! Господи, как с этим предки-то дикие справлялись?! Оказаться в такой чудовищной темноте, к которой ни глаз человеческий, ни организм в целом – ни привыкнуть, ни адаптироваться категорически не могут!

А еще, что самое поразительное...

Мистическим, сверхъестественным образом проснулись-всколыхнулись все задавленные, практически уничтоженные за ненужностью комфортом цивилизации первобытные инстинкты и скрытые резервы организма, обострив мгновенно во сто крат, а может, и поболее, все органы чувств и ощущений!

Зинаида чувствовала этого мужчину всеми вот этими самыми пугающе обострившимися ин-

стинктами. И, не видя, ощущала его в метре от себя, на расстоянии вытянутой руки – слышала его дыхание, стук сердца, впитывала запах, чувствовала тепло, исходившее от его кожи даже через одежду, и, как ей казалось, даже мысли его слышала...

– Вы меня боитесь? – тихо спросил он, не тревожа понапрасну громкостью темноту.

Она услышала недосказанное, подуманное им: боится ли она его желания, которое чувствовала всей кожей, боится возможности воспользоваться странной ситуацией или даже нападения...

– Нет, – в тон ему, тихо ответила Зинуля. – Не вас.

Они помолчали. Оба сквозь вязкость первозданной темени договаривали не словами, а чувствами и обострившимися рецепторами недосказанное.

Не его! Себя! Она боялась себя, своего странного, необъяснимого желания броситься к этому незнакомому мужику в объятия – к нему, в него, позабыв обо всем на свете, – желания, от которого звенела кожа на всем теле...

– Я тоже, – еще тише признался он.

Помолчал и пояснил:

– Не вас.

И что-то надо было немедленно – нет, еще быстрее, чем немедленно! – говорить, делать, словами, действиями, чем угодно, сбить, нарушить эту странную, неожиданную пугающе-оглушающую невероятную тягу друг к другу!

Они оба, сразу, почувствовали взаимное желание-интерес, и нечто больше простого желания-интереса, как только встретились взглядом, а когда официально здоровались, пожимая друг другу руки при знакомстве, их так шибануло молнией в ладони, что пришлось отдергивать руки и извиняюще улыбаться, изображая непонимание и испытывая обоюдную неловкость.

Но что бы там ни возникло между ними, удивив и слегка напугав, умело управлялось и загноялось куда подальше воспитанием и принятыми правилами поведения развитого социального общества. Подумаешь, кольнуло-шибануло! Подумаешь, от одного его взгляда голова закружилась – и что?!

Да ни-че-го!!

Вот именно! Как ему, так и ей. Два совершенно незнакомых человека, встретившихся по делу, скорее всего, первый и последний раз, и мирно благополучно расставшихся. И все правильно. Оба усиленно не придавали значения чему-то там, вроде повышенной заинтересованности, занявшись насущным деловым вопросом, из-за которого и встретились. И все.

Какие мансы?! Еще чего.

Оба прекрасно справлялись, демонстрируя хорошие манеры, умение управлять своими эмоциями... до того момента, пока не оказались в этой самой жуткой, бескомпромиссной «кромешной» тьме.

Наедине. Вдвоем. Запертыми!

Внезапно Зинуля перестала бояться – как отрезало! Себя, его, их обоюдного магнитно-непреодолимого влечения друг к другу, последствий возможных, запретов наистрожайших. Они внезапно обрели спокойное знание – в чем именно находили первобытные предки спасение от страхов первородной жуткой тьмы.

В единении!

Мужчина уловил, «считал» в ней эту перемену.
И протянул руку...

Жизнь – странная штука.

И эта ее всегда присутствующая странность пугает человечество всю его историю существования.

Непредсказуемость – самый страшный страх из всех людских страхов!

Нет, мы, конечно, заигрываем с судьбинушкой, втайне лелея надежды, что уж если и бахнет она этой своей непредсказуемостью, то уж верняк – в виде удачи, свалив на тебя счастье немеченое, неожиданное-негаданное!

А вот так вдруг — и ты в шоколаде.

Ну, бывает же так?! Бывает!

Ну, чтоб ни хрена не делать, всяческих трудностей, испытаний, потерь, лишений не проходить. Миновать, так сказать, стадию подхода: за тридцать земель не шастать, железных сапог не истапывать, хлебом черствым не давиться, а – бац...

И сча-а-астье!

Скажем, богатство на голову свалилось, или там – принц на коне, и он тебя одну всю-то жизнь искал и любил – вот приехал, из навозу достал, помыл-накормил и приголубил. Или там, принцесса к Емеле на печь – прыг! – и «люблю-не могу, и полцарства в придачу, а ты лежи-лежи, милый»!

Да, лелеем, лелеем такие мечты втихаря, а чо! Я ж вон какой хороший – заслужил!

Но подгаживает одно: что ни сказка, что ни история из жизни, что ни книжка какая захудалая, а все без бития жизненного, лишений и трудностей всяческих не обходится. И все вокруг твердят – а ты потерпи! И золото с неба не сыпется. Вот же гадость в чем...

А та-а-ак – нет. Так мы не согласные! Так мы не хотим, спасибо.

И с детским жгучим любопытством, замирая, слушаем рассказы, что у кого-то тако-о-о-ое произошло! После всяческих тревог, ужасов и испытаний, уж такое счастье небывалое на него свалилось – по сей день счастлив и благоденствует. И радуемся, как дети, потаенно, в душе, что случилось это не со мной, а с каким-то неизвестным Васей, а мне такое счастье и подавно не нать! Слава богу, что пронесло мимо! Я лучше здесь, в тишке отсижусь, зато без тревог и волнений. И посмеиваемся с гордостью отстраненного наблюдателя: «Ну, и дурак этот Вася, что вдрыпался во все это! Вон ему как жизнь наподдавала! А я

молодец, аккуратный, в истории не попадаю. И поговорочка дурацкая: «Не было бы счастья, да несчастье помогло» – это не про меня!»

А все-таки завидуем конечному результату приключений того самого Васи и надежду тайную сохраняем: а вдруг Боженька мне полный короб счастья-то отвалит – просто так!

Как в том старом анекдоте:

– Ты хотя бы билет купил! – возмутился Господь, уставший от бесконечных молитв и просьб старого еврея о большом выигрыше в лотерею.

А судьбинушка на все это тихо посмеивается, продолжает выкидывать свои кренделя, мало интересуясь нашими планами, желаниями и страхами.

Зиночка Ковальчук родилась в очень правильной, крепкой, полноценной семье, с правильными родителями, бабушками-дедушками, с правильными общественно-социальными устоями. И вся ее жизнь просматривалась, от рождения и до заката – прямолинейно, как Восточно-Сибирская магистраль со станциями-этапами становления: школа, институт, работа, замужество, двое детей, еще, и еще работа – ессесено, все правильное до тошноты. А потом – пенсия, внуки, шесть соток, счастье тихого огородничества, почетная старость в кругу родных и близких.

Красота несказанная!

Добротой, прямолинейно, с неизменной уважухой и почтением окружающих за суперпра-

вильность общественного поведения и бытия. Такое вот полотно жизни в серо-белых тонах, без узелков и вкраплений.

Ну что поделаешь: в такое время она родилась, когда перспективы хорошей жизни раскладывались в стандартный ряд, и ее папа и мама, как всякие любящие родители, желали дочери только самого лучшего: жизнь без изломов, потерь и потрясений – счастья, одним словом.

Тогда счастье и стабильность виделись именно так: высшее образование, да по барабану – какое, главное высшее, лучше – не сильно напряженное, инженер, скажем, учитель, переводчик. Работа, само собой, как эквивалент стабильности и пятнадцати-двадцатилетней очереди на получение личной жилплощади, семья, дети. А что еще?!

Все как у всех.

– Ха! – хмыкнула судьбинушка. – Щас-с-с!!

У нее имелись свои планы на жизнь Зиночки Ковальчук и разнообразие оной жизни.

Первые семь младенческих лет Зиночка прожила, как и ожидалось от нее, очень правильной спокойной, послушной девочкой, четко зная, как хорошо себя надо вести, не имела поводов к каким-либо конфликтам, в нормальной и любящей семье. «Спокойная, уравновешенная, послушная, с большими способностями к учебе, усидчивая, добрая, неконфликтная... и так далее» – с такой характеристикой она перекочевала из садика в школу, порадовав необычайно учителей всем вышеперечисленным.

Чем не идеал?

Вот вы бы не мечтали, чтоб ваш ребенок был уравновешенным, неконфликтным, спокойным, очень умненьким, не создающим никаких трудностей и проблем? Ну, вот и они, Зиночкины родители и учителя, радовались.

Ну-ну...

Зиночка замечательно (а как же еще!) училась в первом классе, как вдруг в их семье случился переезд. История со сложным обменом-разменом жилплощади всей родни – двух бабушек-дедушек, и квартиры, в которой жила Зиночка с родителями – длилась долго, больше года.

Это не как сейчас вам: захотел – так на, пожалуйста! В любом риелторском агентстве подберут варианты, расселят в кратчайшие сроки, были бы деньги, квартиры и желание. А в те замшелые советские времена, когда всякое жилье находилось во владении одного хозяина, именуемого государство, за любыми пертурбациями с данной собственностью оно следило зорко и не очень-то поощряло. Найти подходящий вариант обмена, а главное – осуществить его было не просто делом нелегким, но приближавшимся к устойчивой невозможности. Однако законопослушная Зиночкина родня с убеждением: «Имеем право и необходимость» – долго и упорно занималась испортившим всех москвичей вопросом, старательно подбирая варианты и терпеливо обходя все инстанции.

Исходный посыл трудностей, созданных самими же обменивающимися сторонами, заключался в том, что оба родителя Зинули работали в центре, и добираться каждый день из спального района, где они проживали, на место трудовой деятельности было трудно и отнимало кучу времени, не добавляя радости к «светлым» будням.

Мама Зиночки, Светлана Николаевна, личность целеустремленная, упорная, уж если ставила перед собой какую-то задачу, то, как правило, добивалась желаемого результата, а папа и бабушки-дедушки за ней подтягивались, помогая и поддерживая. Посему, взявшись за обмен, мама своего добила.

Но Зиночку проблемы взрослых не касались и не волновали, ее задача была – учиться, что она с успехом и делала.

А тут – переезд!

Весело! Интересно! Она ехала в грузовике и держала на коленках цветочный горшок со скрученной в моток длиннющей лианой, выполняя ответственное поручение.

И смотрела из окошка их новой квартиры, исполняя просьбу взрослых не мешаться под ногами, уткнувшись носом в стекло, как у подъезда из машины дядьки выгружают их вещи, и радовалась всему новому, и совсем чуть-чуть грустила, что пришлось расстаться со школьными друзьями.

Уже послезавтра, в понедельник, ей надо было идти совсем в другую школу. И теперь она всегда

станет учиться в этой новой для нее школе, которая находится недалеко от их дома, по новому, неизвестному ей пока «месту прописки».

А мама все вздыхала вечером на кухне:

– Сорвали ребенка посреди учебного года, она только к коллективу начала привыкать!

– Ничего, Свет, – успокаивал папа, – и к этому привыкнет, адаптируется. Зато – центр, и квартира большая, как мы хотели!

Ну, не «центр-центр-центр» – Кремля из окошка не видно, но все-таки центр – рядом с Садовым кольцом, работой родителей и жильем маминых родителей, Зинулиных бабушки и дедушки.

– Да, Ген, ты прав! – веселела мама. – Сколько нервов потрачено и денег, но ведь не зря! Квартира замечательная – большая, просторная, а толки! И родители рядом. И школа Зиночкина. Она умница, она со всеми уживется, и учиться хорошо будет, и подружек найдет. Да, Зиночка?

И Зиночка кивала, соглашаясь, обещая и учиться, и дружить, как ожидали от нее родители, а мама гладила ее умиленно по головке и целовала в макушку.

Ой, знала бы мама, что накликала на Зиночкину, а по ходу, и на их с папой головы...

В исторический понедельник, судьбоносный во всех глобальных жизненных масштабах для Зиночки, даже не подозревавшей о значимости наступающего момента, мама отвела ее в новую школу,

передала с рук на руки учительнице и, напоследок поцеловав любимое чадо, ушла на работу.

Зинулю, по такому случаю одетую в форму, наглаженную с особой тщательностью, в новые колготки и туфельки, с туго заплетенными косичками в огромных бантах, новая учительница, Антонина Михайловна, поставила возле себя перед классом и представила:

– Дети, это наша новая ученица, Зиночка Ковальчук. Она переехала из другого района и теперь будет учиться с вами. Помогите ей освоиться, подружитесь с нею. А теперь давайте все с ней поздороваемся!

И продирижировала на счет «три» нестройное детское:

– Зра-а-аствуй!

– Молодцы! – похвалила неудавшееся хоровое чтение Антонина Михайловна. – Зиночка, садись за вторую парту, с Риточкой Ковалевой.

По классу ветерком пронеслось шепотливое «Ой!» и последовавшее за этим множественное хихиканье в кулачки.

– Тихо, дети! – негрозно призвала к порядку учительница.

Собственно, выбора свободных мест имелось немного – пустая парта на «галерке» в левом ряду, одно пустое место в правом, тоже «галерочном» – рядом с толстым мальчиком, и то, куда указала Зиночке учительница – вторая парта в центральном ряду, возле маленькой худенькой девочки.